

В том кинофильме, который я запомнил из своей жизни, в последовательности кадров, потому что, может быть, какие-то кадры исчезли... Но в тех кадрах, которые я помню, страха как такового не было. Я склонен думать, что это что-то наследственное. Потому что у моего отца была определенная реакция, которую не раз приходилось наблюдать. Вот он засыпает. Если его разбудить, первое, что он делает, — вскакивает и кричит: “Убью!” И поскольку револьвер под подушкой, то это часто выглядело вполне реалистически. Реакция не испугавшегося человека, а, наоборот, наступательная. И у меня страха не было, но было предчувствие, что может случиться самое плохое. Это у Ахматовой где-то была цитата, эпиграф из Хемингуэя: “Я уверен, что с нами случится все самое ужасное”.

Страх в те годы... Мое личное убеждение — страх надо преодолевать, и есть способы. Но, как мне думается, преодолеть может и должен всякий, кто надеется, что он в состоянии перенести пытки. Для меня это очень многое меняло. Я уверен, что поведение человека в стране, где есть пытки, должно отличаться от поведения в других странах. Мы это обсуждали, когда шли процессы. Подробности мы узнавали из первых рук: мой отец туда ходил, его сделали корреспондентом “Известий” для боль-

ших процессов, он многое замечал и для себя записывал. Внешне очень изменились арестованные. Отец рассказывал, как его поразила реакция Алексея Толстого, который тоже был корреспондентом, обязанным присутствовать на этих заседаниях. Когда первый раз их пригласили — я думаю, это был процесс Бухарина, весна 1938 года, — мой отец приехал немножко раньше, чем Алексей Толстой. И вот постепенно заполняется зал Дома Союзов. И он замечает, что Алексей Толстой входит в зал и прямо направляется к столу на таком возвышении, где сидят все подсудимые, и на каждого смотрит, как будто он первый раз видит этого человека. И отец говорит: “Но я же хорошо знаю, что они близко знакомы”. Это на самом деле была одна тусовка, как сейчас говорят. Вопрос, который тогда, я помню, мы в семействе обсуждали: отчего может быть, что у них изменилась внешность? Действительно, их подвергали пыткам так серьезно... В частности, шел разговор про Крючкова, секретаря Горького. Что-то с ним такое делали, что у него кости стали разжижаться, что-то такое страшное. Но от него требовали сильных показаний, он их все дал. Даже на закрытом заседании, где говорил, что он убил сына Горького. Но мой отец к этому заседанию не был допущен. Корреспондентов никаких, ни советских, ни иностранных, не пускали на заседания, где Ягода и Крючков объясняли, что они настолько любили Надежду Алексеевну Пешкову, невестку Горького, что убили ее мужа. Такая красивая театральная история. Но Сталин почему-то решил, что это нужно в тайне держать.

Марфа, внучка Горького, которую он удочерил, была близкой подругой дочери Сталина Светланы Аллилуевой. Я и ту и другую хорошо знал в детстве. Но с Мар-

фой мы общались и во взрослом состоянии, она подтвердила давние мои ощущения: на Сталина какое-то особое впечатление производила ее мать, Надежда Алексеевна, Тимоша, как все ее звали в доме. Понимаете, Сталин во всяком случае неординарный человек, как к нему ни относишься, поэтому то, что я хочу сказать, не означает, что он обязательно был заинтересован в ее любви. Кто знает! Но с другой стороны, Иракий Андроников, который был очень близок с Алексеем Толстым, мне рассказывал, что высокое начальство разрушило замысел Алексея Толстого пережениться после смерти Максима Пешкова. Толстой готов был бросить жену и думал предложить свои брачные услуги Надежде Алексеевне. Ему велели этого не делать никоим образом. Договорились с ним, что ему дадут флигель во дворе ее дома, где он и поселился — на Спиридоновке, при особняке Рябушинского. Но условие было, что никакого брака.

Надежда Алексеевна после смерти Макса Пешкова и неясной истории с Толстым поочередно приводила к нам домой в качестве потенциальных мужей — Луппола, Мержанова, Попова.

И что же? Луппол, академик, директор Института мировой литературы, — арестован. Архитектор Мержанов, который строил правительственные дачи, в частности Сталину и Берии, — арестован прямо в доме Тимоши, на глазах ее дочери. Всех их арестовывали через несколько месяцев после начала реального романа. Последним был инженер Попов, зять Калинина, который сбежал из семьи Калинина к Надежде Алексеевне, его арестовали в 1953-м, но тут, на счастье Попова, Сталин умер.

Очень серьезная — для меня лично серьезная, поэтому я думаю, что и для многих — проблема пыток. И не только потому, что я был с детства болен и привык преодолевать боль, но я знаю, что вообще очень мало людей в состоянии перенести любые пытки. Я наводил справки и все-таки познакомился потом с большим количеством людей, которых пытали. Некоторые что-то сделали со своей памятью. Или внушили себе, или память сама себя организует. Им казалось, что они ничего не подписывали, хотя есть документы. Конечно, не нужно быть гениальным, чтобы подделать подпись. Поэтому если у следователей из НКВД заготовлен план — вот человек должен сознаться, мы его будем пытаться целый день, и он потом подпишет, — может такое случиться, что человек откажется, а они сфальсифицируют, поставят подпись. Это похоже на то, как они себя вели. Никто же не ловил их за руку и не говорил: “Нет, ты на самом деле его до этого не довел”. И все же в основном подписывали. Примеры редкой выносливости есть, но я думаю, что это на тысячу человек один. Я имею в виду, в частности, Гнедина. Знаете, кто он? Сын знаменитого Парвуса, через которого осуществлялась связь Ленина с немецкими деньгами. Его мать в детстве, еще до революции, привезла в Россию. С июня тридцать седьмого он заведовал отделом печати МИДа, который тогда назывался НКВД — Наркомат иностранных дел. И я Гнедина хорошо знал. Он мне говорил, что его пытали в первый же день после ареста. Был план получить показания на Литвинова. С приема, который он проводил, его повезли на Лубянку, а там прямо к Берии с вопросом: “Ког-

да вас завербовал Литвинов?» Ну, подробности я опущу. Но то, что он рассказывал про характер пыток, — что-то ужасное. В присутствии Берии. Берия дает указание, его пытаются, он отказывается. Это все происходит в кабинете Берии. Его спасло то, что очень быстро оказалось, что не проходит план ареста Литвинова. Потому что у Сталина все время менялась его внешняя политика. Литвинова на посту министра сменил Молотов, и начались переговоры с фашистами. И в зависимости от успеха или неуспеха преобразалась концепция, насколько им нужно было поймать самого Литвинова. Ну и, по-видимому, Литвинов себя вел разумно, это я знаю от его детей. Он засыпал с револьвером под подушкой. Они понимали, что он или их застрелит, или сам застрелится, но, в общем, не пройдет вариант, чтобы он был шпионом, а тогда он им неинтересен.

Кроме Гнедина я знал еще одного человека, который смог все это вынести. Мой хороший знакомый, специалист по Древнему Египту Михаил Александрович Коростовцев, из русских дворян. Ну, представляете себе — дворянин, который стал капитаном парохода, потому что его не пускали из-за происхождения в университет. И он записался матросом, чтобы его взяли заочником, и получил специальность египтолога. Одновременно он дослужился до капитана в советском флоте, и поэтому его приняли в партию. Партия его посылает в Египет во время войны: он владеет английским, он специалист по Древнему Египту, и он наш человек. Я его хорошо знал, он такой настоящий мужчина, производил сильное впечатление, в частности на женщин. И был там роман с англичанкой, в Египте. Его привезли в Москву сразу в пыточную тюрьму. А он мне объяснял так: “Как только под-

пишу, будет действовать только что принятый закон: если я английский шпион — расстрел. И какой смысл?” Представьте, я был свидетелем того, как он появился из лагеря и потом его выбрали в академики.

Перед войной... Я, пожалуй, вам две истории расскажу, просто чтобы было видно, что происходит, о чем говорят люди в Москве — во всяком случае, в нашем кругу. Я хорошо помню этот день в августе 1939 года. Мы выходим с отцом на нашу переделкинскую поляну, где часто вместе гуляли, и навстречу нам близкие друзья Фебина — архитектор Самойлов и его жена. В нашем семействе, поскольку Фебин сосед и старый друг, всегда говорили, что Константин Александрович окружает себя людьми, которые, как он, очень отрицательно относятся к режиму. Фебин не скрывал того, что он вообще абсолютный антисоветчик. В каком-то смысле ему это даже помогало в его советской карьере, потому что уж если такой антисоветчик все делает, что от него требуют, ему можно доверять. И вот архитектор Самойлов рассказывает нам, что в газетах появилось сообщение: Риббентроп приехал в Москву. Мы все однозначно поняли, что Сталин заключает соглашение с Гитлером.

И потом еще один эпизод у нас дома. Приходит Алексей Николаевич Толстой. Видимо, это наша первая встреча, и поэтому он удивляется, что я так довольно нагло вмешиваюсь в разговор. А он рассказывает, что вернулся с заседания Верховного Совета. Толстой увешан всеми возможными регалиями и званиями, он депутат. В коридоре Кремля к нему подходит Молотов: “Вы знаете, так утомительно, целый день переговоры с финнами!”

Перед началом войны с Финляндией Сталин пытается угрозой заставить их согласиться с его предложением. Речь шла о создании Карело-Финской Советской Социалистической Республики, чтобы часть Финляндии входила в Советский Союз. Это результат раздела сфер влияния по пакту Молотова — Риббентропа. Молотов говорит Толстому: “Понимаете, они не отдают нам Выборг. Но это же наш старинный русский город!” Толстой рассказывает это нам, и даже он удивлен, потому что такая фразеология не годится для старого партийца, каким реально был Молотов. То есть полная смена ценностей. Потому что никаких русских городов не было еще позавчера, а сегодня уже нужно начинать войну с финнами из-за этого!

Что нам было известно тогда? Какую-то очень приблизительную картину можно было составить, если посмотреть все газеты, потому что определенно не было точного отбора, что на сегодняшний день разрешается знать, а что уже не надо знать. Это менялось буквально каждую минуту. Про финскую кампанию мы слышали, что начались переговоры, потому что куски этих сообщений были в газетах. Сталин, видимо, думал, что ему удастся чего-то от них добиться, поэтому начало переговоров освещалось. А потом перестали писать, когда стало ясно, что Маннергейм предпочтет воевать, а не сдаваться. Финляндия была единственная страна, которая не пошла по пути Эстонии, Латвии и Литвы. В конце концов, те ведь тоже могли оказать сопротивление.

В окружении отца, среди разных людей, не строго литературных, был один коминтерновец. Ну, я говорил, что у отца моего много самых разных знакомых, в том числе вполне политических, так что это не удивительно. А уди-

вительно поведение этого коминтерновца. Его фамилия Михайлов, это реальный человек, не псевдоним — Борис Данилович Михайлов. Ему посвящена глава в сравнительно недавно вышедшей книге “Агенты Коминтерна”. То есть он действительно сыграл некоторую роль в создании ряда коммунистических партий. Отца это интересовало, но как литературный материал. Я уже упоминал, что однажды приехала за ним машина и сказали, что Всеволод Иванов как корреспондент “Известий” должен отправиться в Финляндию, Литву, Латвию, Эстонию — независимые страны — продемонстрировать дружбу советских писателей. Это был 1937 год. Все ждали ареста и вздохнули с облегчением: машина не та. Руководителем группы был назначен вот этот коминтерновец, который, конечно, на самом деле был крупный советский шпион. Один из тех, кто готовил присоединение этих стран. Михайлов отцу рассказывал о том, какие он решал проблемы в западных компартиях, например во французской, когда там начались всякие “уклоны”, а он отстаивал официальную московскую точку зрения. В Москве он делал журнал *Revue de Moscou* по-французски, такое гламурное издание современного типа с хорошими иллюстрациями. В этом журнале у него работала дочка Цветаевой, ее там арестовали. Я так понимаю, что Михайлов по службе за границей знал мужа Цветаевой, отца Ариадны, и поэтому, когда она приехала с отцом, еще до матери, Михайлов взял ее к себе.

Перед войной Михайлов — постоянный гость наш. Часто отец мне говорил: ты знаешь, Михайлов звонил, придет через два дня. И не случайно обращался ко мне, потому что я занимался не только чтением газет, но и некоторых журналов, например, был такой журнал “Ком-

мунистический интернационал”, издание Коминтерна, я читал его.

Биография коминтерновца была отчаянной. Дважды он сидел в царских тюрьмах, затем его выслали в Германию, Лариса Рейснер писала о нем в очерках о гражданской войне: прибывает Михайлов, становится членом Реввоенсовета, ездит к солдатам на фронт и возвращается весь увешанный вшами. Так что он — человек с этим вшивым наследием времен революции. И теперь он приходит к нам и рассказывает все, что он узнал о текущем положении в мире. Я вот хорошо помню разговор времени финской войны — союзники Франция и Англия думают о том, как помочь Финляндии. В газетах ни о чем никакой правды, а он нам сообщает тщательно выверенную сводку последних новостей. Как потом я узнаю, Михайлов посещает многих завсегдатаев нашего дома. Например, философа Асмуса, у которого живет Пастернак во время войны. Жена Асмуса делится с моими родителями: “Вот, приходит Михайлов в таком плохом настроении, мы с ним вместе обсуждаем ужасные перспективы будущего”... Это все делается, очевидно, для Пастернака. То есть Михайлов ставит своей задачей просветить маленькую группу писателей. Все кончается тем, что его сажают после войны и он погибает в лагере. Но тогда весь Коминтерн был уже разгромлен.

Потом я получил данные из закрытых архивов двадцатых годов, и там видно, что Михайлов действительно был очень крупный деятель. И в какой-то момент о нем пишет Сталин, что именно такой человек нам нужен в Коминтерне, который много знает языков. То есть его держали для определенных целей. А он все-таки выбрал свою собственную линию поведения. Я думаю, что об-

шая картина террора должна быть немножко подправлена тем, что мы должны понимать: те люди, которые были политически ориентированы, как многие коминтерновцы, могли иметь собственную программу поведения. В частности, у Михайлова явно была такая программа: сам он ничего не делал против режима, но считал нужным ограниченное количество людей, которых определил и выделил среди писателей, держать в курсе всех происходивших событий.